

# Повелитель мышей

*Р. Г. Назиров*

Подготовка текста Б. В. Орехова

Мыши Нильской долины были главными врагами земледельцев древнего Египта. Не случайно египтяне сделали кошку священным животным, казнили смертью даже нечаянное убийство кошки, а умерших кошек мумифицировали и хоронили как людей. Но точно так же, как египтяне поклонялись крокодиному крокодилу, они и мышь сделали священным животным: из страха.

Огромная плодовитость и прожорливость мышей была причиной страха перед ними у людей древности. К тому же мышей смешивали с крысами как переносчиками чумы (латинское название крысы — *mus rusticus*, сельская мышь). Люди издревле обнаружили связь между чумой и крысами, но долгое время не знали, что мыши не разносят чумы, хотя и распространяют нек-рые желудочные болезни, туляремию, геморрагическую лихорадку и т. д.

Представление о мышах как разносчиках чумы отражено в Библии, в I книге Царств, где рассказано, как филистимляне, разгромив евреев, торжественно унесли драгоценный трофей, иудейский Киот Завета, в свои города. Там, где появлялся Ковчег, внезапно и страшно распложились мыши, и начиналась чума; с перенесением Ковчега из храма в храм страшная эпидемия свирепствовала всё далее в Филистимской земле, к-рая вся «вскипела мышами». Испуганные филистимляне вернули Ковчег евреям, сопроводив его вотивными пожертвованиями в виде возмещения за свою провинность: пятью золотыми изображениями мышей и пятью золотыми «наростами», т. е. Чумными бубонами (I Царств, 6, 4). Уже в этой истории явственно представление о чумной эпидемии, ниспосланной еврейским богом Яхве на филистимлян в наказание за похищение Ковчега; собственно, Яхве насылает мышей, а чума из этого следует «автоматически».

В Египте мышь была священным животным бога Гора; видимо, аналогичную власть над мышами иудеи приписали и своему Яхве.

Геродот рассказывает о нашествии ассирийского царя Сеннахериба на Египет и об отчаянии египетского царя Сетоса, покинутого его воинами; когда царь рыдал перед статуей бога, напал на него сон и во сне ему явился бог, ободливший его и обещавший свою помощь. Сон в храме — это, несомненно, вещий сон; итак, царь с небольшим ополчением пошёл против Сеннахериба и разбил стан на границе Египта. Ночью на ассирийский лагерь напали стаи полевых мышей и изгрызли их колчаны, луки и рукоятки щитов, «так что на следующий день врагам пришлось безоружными бежать, и множество врагов пало»<sup>1</sup>. К этому

---

<sup>1</sup>Геродот. История. II, 141.

Геродот добавляет, что царю Сетосу была даже воздвигнута статуя, изображавшая его с мышью в руке.

Само собой, Сетос — это не имя царя, а имя египетского бога; если же Геродоту и случилось видеть статуи с мышью в руке, то они, пожалуй, могли изображать Гора, но не Сета. Рассказ Геродота кажется чистой баней, выдумкой; на деле же он восходит — правда, очень опосредованно — к историческим фактам. В 701 до н.э. ассирийцы вторглись в Иудею и осадили Иерусалим; царь Сенахериб задержался из-за осады крепости Лакис и должен был подойти с главными силами позднее. Однако осада Иерусалима почти сразу была снята, поскольку в тылу Сенахериба начались волнения; иудейский царь Езекия выплатил страшному завоевателю большую дань, и Сенахериб ушёл. Таковы научно установленные факты; они получили иное освещение в Библии, где подробнее всего описаны в 4-й книге Царств (18, 9–20; 19), а также в «Паралипоменоне» (2, 32) и в Книге пророка Исайи (главы 36–37).

Согласно ветхозаветным рассказам, во время осады царь Езекия тяжело заболел; пророк Исайя приказал накладывать на его «наrostы» пластыри из смокв — древнее средство от чумных бубонов. Значит, в осаждённом Иерусалиме началась чума. Езекия вопрошает: «какое знамение, что я буду ходить в дом Господень?» (Исайя, 38, 22). Вне ветхозаветных текстов сохранилось предание о том, что больному Езекии приснился сон, в котором Бог возвещал ему скорое отступление врагов (ср. рассказ Геродота о Сетосе).

В Библии рассказ об осаде скомкали: ночью ангел господень пришёл в стан ассирийцев и поразил 185 тысяч, что вынудило устрешённого Сенахериба отступить и вернуться в Ниневию. Иными словами, чума из осаждённого Иерусалима перешла в ассирийскую армию и вынудила её снять осаду. В эту историю неплохо вписываются мыши, съевшие тетивы ассирийских луков в рассказе Геродота.

Вероятно, Геродот от египтян записал искажённую и локализованную в Египте историю осады Иерусалима. Если сложить его версию с библейской, то возникает предположение, что нападение мышей на ассирийский лагерь и порча ими ассирийского оружия было сновидением Езекии, к-рое прославленный снотолкователь Исайя объяснил как предсказание чумы и отступления Сенахериба.

По-видимому, известие о том, что Иудея благодаря чуме отделалась от страшного Сенахериба, поразило современников и распространилось в соседних странах, вызвав к жизни усиленное внимание к мышам, этому общесемитскому символу чумы, и поиски своих, местных богов, способных защитить народы от чумы.

Учёные наших дней предполагают, что Гомер очень рано ознакомился с библейским рассказом о неудаче Сенахериба под Иерусалимом и широко использовал этот рассказ в «Илиаде».

Всем памятно, что Агамемнон взял себе пленницу, дочь жреца Аполлона из города Хриза в Троаде, и отказался её возвратить отцу; Аполлон разгневан оскорблением своего служителя и карает греков тем, что посылает чуму на их лагерь. Срашное моровое поветрие

испугало Агамемнона, к-рый возвращает аполлонову жрецу его дочь, а взамен забирает у Ахилла прекрасную Бризеиду — и т. д.

Только в обращении жреца Хриза, просящего у бога наслать чуму на ахейский лагерь, Аполлон назван «Сминтеем», т. е. «Мышиным богом». У Гомера эта эпиклеса Аполлона — редкость, ибо новинка; в дальнейшем по всей Троаде встречались святилища Аполлона Сминтея, дававшие убежище больным и носившие наименование «сминтион» («мышатник»). Но и кроме этих святилищ-госпиталей мышь вошла в культ Аполлона; в его храмах держали и кормили мышей; в нек-рых областях Греции Аполлон считался покровителем мышей, а в других — охранителем от мышей. Сложилось греческое предание о том, как Аполлон избавил страну от нашествия мышей.

Бог-покровитель мышей и защитник людей от мышей — это две функции одного бога: Аполлон стал повелителем мышей, как до него Гор и Яхве. В эллинистическую эпоху Аполлон прямо отождествлялся с Гором.

Мотив благодетельных мышей, помогающих во время войн слабейшей стороне, вошёл в мифы и сказки разных народов, и встречается у Страбона (XII, 1, 48), в китайских летописях, монгольских сказках и в русских былинах о Вольге. В ряде сказок и басен (Панчатантра, Эзоп и др.) мышь выступает как благодарное животное: спасает человека от смерти, указывает средство от болезни, помогает даже слонам и львам. Но подобные мотивы не предполагают никакого повелителя мышей.

Между тем, из древнего символа чумы в ранние века христианской эры мышь стала более общим символом — божией кары за грехи. Произошла смысловая экспансия символа. Интересно наблюдать, как реликты языческих верований и варварских обычаев проникают в христианскую среду средневековой Европы, например, в среду франков.

Как известно, Хлодвиг I крестился в 496 году и окрестил франков. При его внуке Хильперике I случился эпизод, описанный позже знаменитым летописцем Григорием Турским.

Итак, летописец рассказывает, что в царствование Хильперика I (VI век) в городском рву Парижа был случайно найден обрывок кожи с изображением крысы, реки и факела. Находку доставили королю. Несмотря на мольбы придворных, король приказал сжечь этот кусок кожи; парижане пришли в ужас и стали ждать беды. «Так и случилось, — melancholically подтверждает Григорий Турский. — Эти несчастья не замедлили явиться, потому что упомянутый кусок кожи был талисманом, предохранявшим Париж от всех бедствий, к-рые были на нём изображены... В тот же год произошли наводнения и пожары, к-рые опустошили половину города, и было множество крыс...»

Мыши и крысы, по-прежнему мало различаемые, выступают в фольклоре раннего европейского Средневековья как стихийное бедствие, посылаемое Провидением в наказание за грехи. Знаменитая генеалогическая легенда Пястов, зафиксированная в хронике Галла Анонима, содержит рассказ о съедении Попеля мышами, восходящий, вероятно к общему древнеславянскому источнику<sup>2</sup>.

<sup>2</sup>Галл Аноним. Хроника и деяния князей или правителей польских. М., 1961.

Согласно рассказу Галла Анонима, таинственные странники, не найдя приюта у гнезненского князя Попеля, праздновавшего пострижины своего сына, встретили радушное гостеприимство у крестьянина-колесника Пяста и его жены Репихи; в благодарность они предрекли Пясту, что сын его станет кнзем. Князь попель за свою несправедливость был изгнан своими соперниками из рода Котышки и удалился в свою башню в Крушвицах, но в этой башне подвергся нападению несметного полчища мышей и был съеден ими. Князем Гнезна стал Земовит, сын Пяста; после него, как рассказывает Галл, княжил его сын Лешко, потом сын последнео — Земомысл, а потом сын Земомысла — Мешко. Это первый исторический князь древней Польши, к-рый в середине X века объединил в одну державу племена, жившие от Одры до Вислы.

У династической легенды Пястов усматриваются архаические истоки: известна восточнославянская сказка об Иване Попялову, который двенадцать лет лежал в пеще, затем, стряхнув с себя шесть пудов пепла убил «змеиху», сжёг её, а перел рассыпал. Змееборец превращается в кота, подслушивая разговор змеихи с дочерьми ср. имя Котышки в польской легенде, мотивы кота и мышей, восставшего из пепла богатыря и слепоты, связанной с пеплом (в польской легенде князь Мешко из рода Котышки был слеп семь лет)<sup>3</sup>. Иными словами, древнеславянский змееборец отчасти сохранял зооморфные черты; это архаическое предание, связанное с мифологическими представлениями о враждебных человеку или помощных животных, в пястовской Польше получило ложную историзацию, так что эпилогом мифа стал реальный Мешко I.

В династической легенде Пястов обнаруживается целое сплетение международных фольклорно-мифологических мотивов, из к-рых нас особенно интересует съедение злого князя мышами. Этот мотив был широко распространён в средневековой литературе и фольклоре; особенно известно предание о епископе Гаттоне, наказанном за свою жестокость к голодным беднякам лютой смертью. Гаттон укрылся в башне, построенной на острове среди реки, но мыши добрались до него и там.

Заметим, что в приведённых выше сюжетах из Библии и Гомера мыши были связаны с чумой, тогда как ни легенда о Попеле, ни предание о епископе Гаттоне о чуме не упоминают: здесь огромные полчища мышей исполняют кару Провидения, съедая одного человека. Вероятно, эти легенды и предания отразили реальность Северной Европы — колоссальные миграции леммингов в Скандинавии и иные нашествия грызунов.

Анализируя различные предания и фольклорные сюжеты, полезно привлекать иногда сведения из других научных дисциплин, например, из зоологии.

---

<sup>3</sup>Мифы народов мира, т. Попель.